

АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ
Институт литературы им. Т.Г. Шевченко

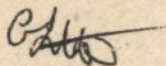
На правах рукописи

КОПЫЛОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ

ЛИРИКА А.Т. ПРАСОЛОВА

Ю.01.01 – Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание научной степени
кандидата филологических наук

Киев – 1994

00777797 (1)

Диссертацией является рукопись.

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литератур
Днепропетровского государственного педагогического университета
им. П. Драгоманова.Ученый руководитель: доктор филологических наук,
профессор И.Т. КРУК

Специальные оппоненты:

доктор филологических наук Н.Р. МАЗЕПА

кандидат филологических наук,
доцент К.М. ПАХАРЕВАВедущая организация: Днепропетровский государственный
университетЗащита состоится "23" марта 1994 г.
на заседании специализированного ученого совета Д 01.24.01
при Институте литературы им. Т.Г. Шевченко АН Украины
(252001, Киев, ул. Грушевского, 4, 3-й эт.).С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
литературы им. Т.Г. Шевченко АН Украины.Автореферат разослан "11" февраля 1994 г.Ученый секретарь
специализированного
ученого совета

О.И. ГАЙНИЧУК

Актуальность исследования. Ряд исследователей и критиков, отмечая ускорение процесса интеллектуализации лирики в последние десятилетия, в связи с этим говорит о необходимости более глубокого осмысления сути того явления, которое со значительной долей условности определяется как философская лирика¹. В работах А.Кулинича, Н.Мазепы, Е.Маймина, В.Мусатова, А.Павловского, Э.Соловей, Р.Спивак, Г.Филиппова и др. показано, что, при несомненной соотнесенности с идейно-художественным потенциалом классики, современное лирофилософское мышление обладает новым качеством, выявить которое может лишь анализ конкретных поэтических систем современных авторов.

Для такого анализа удобна лирика 60-х гг., знаменующая начало нового этапа в развитии русской поэзии, но недостаточно исследованная литературоведами. В научных работах подробно освещается творчество лишь нескольких наиболее известных "шестидесятников", причем аспект философичности, как правило, только упоминается в положительно-оценочном плане без непосредственного и методологически четкого изучения этого феномена. Между тем художественные миры ряда поэтов указанного периода дают богатый материал именно для такого исследования.

Это в полной мере относится к А.Т. Прасолову /1930-1972/ - поэту трагической судьбы, чья посмертная известность постоянно растет; такие авторитетные критики и исследователи, как Л.Аннинский, В.Гусев, В.Кожин, А.Пикач, называют его творчество одним из самых заметных явлений в современной русской лирике, приобретающим особую актуальность в свете коренных общественных перемен последних лет². Общеизвестно и то, что лучшие стихи Прасолова исключительно самобытно развивают традиции классической философской лирики. Но до сих пор они не исследовались систематически и детально в общелитературном контексте.

¹ Кожин В.В. Размышления о русской литературе. - М.: Современник, 1991; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любимудры, Пушкин, Тютчев. - М.: Наука, 1976; Филиппов Г.В. Русская философская поэзия: человек и природа. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - С. 14.

² Гусев В.И. Талант всегда пробьется. // День поэзии. 1977. - М.: Сов. писатель, 1978. - С. 201-202; Кожин В.В. Поэзия Алексея Прасолова. // Прасолов А.Т. Стихотворения. - М.: Сов. Россия, 1983. - С. 5.

Произведения Прасолова, его переписка и свидетельства знавших его людей, отдельные наблюдения упомянутых критиков, а также А.Абрамова, В.Акаткина, Н.Банк, И.Ростовцевой, В.Семенова чрезвычайно показательны в плане постижения закономерностей развития философской лирики. Но и сами по себе творческий путь и поэтическая система этого автора уникальны и представляют не меньший интерес, чем намного полнее исследованное творчество таких его ровесников, как Н.Рубцов, В.Соколов, А.Вознесенский. Учитывая открытие в последние годы забытых и полужабытых поэтических имен и растущее внимание читателей и критики к стихам Прасолова, недостаток интереса литературоведов к его поэтическому миру представляется несправедливым и в научном, и в моральном плане.

Новизна работы заключается в предпринятой впервые попытке системного описания и анализа лирического мировосприятия и стиля А.Т. Прасолова как поэта философской ориентации в контексте классической и современной лирики. Автором реферировемого исследования систематизируются и обобщаются материалы критических статей, рецензий о творчестве Прасолова, исследуется его переписка; такая работа также до сих пор не осуществлялась. Существенно новым представляется аспект выявления специфики современного лирофилософского мировосприятия, мышления.

Цель диссертации — анализ проблемно-философского и идейно-тематического аспектов лирического творчества А.Т. Прасолова, описание наиболее существенных черт его поэтики в соотношении с идейно-художественными достижениями русской классической лирики и отдельными явлениями в русской и украинской поэзии 60-х гг.

Практическое значение работы заключается в возможности использования ее материалов в вузовских курсах теории литературы и русской литературы XX в., спецкурсах и спецсеминарах, при изучении литературы в школе.

Методологической и методической основой работы служат основные положения эстетики и философской диалектики, ряд идей и принципов современного отечественного и зарубежного литературоведения; в частности, сравнительно-исторический, типологический и контекстуальный методы сочетаются с принципом систем-

ности и целостности анализа и с проблемно-философским подходом к исследованию лирического мирозерцания автора.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Во "Введении" раскрывается тема исследования, ее актуальность, новизна, теоретическое и практическое значение работы.

В первой главе "Поэтическое становление А.Т. Прасолова" описываются факторы и динамика становления Прасолова как поэта, формирование его творческих взглядов.

"Модель природного бытия и его связь с человеческим в лирике А.Т. Прасолова" - вторая глава, в которой выявляется характер лирического восприятия Прасоловым природы, анализируется роль пространства-времени в его лирическом образе мира.

В третьей главе "Социально-психологическая лирика" исследуются формы и содержание художественного постижения душевного мира и социальных взаимоотношений в поэзии Прасолова.

В "Заключении" подводятся итоги работы.

Объем диссертации - 196 машинописных страниц; библиография включает 159 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. "Поэтическое становление А.Т. Прасолова".

Поэзию Прасолова нельзя понять без анализа условий и факторов формирования его творческой натуры. Ее сложность, трудное и осознанное восхождение к "поэзии мысли" нужно рассмотреть и в свете особенностей биографии, характера, и как проявление общих законов становления лирофилософских художественных систем.

Воздействие на ребенка и подростка различных, порой противоположных обстоятельств и начал (материнского "тепла" и "холода" безотцовщины; сельского быта, связанного с трудом, с природой, и ужасов войны, оккупации; русской и украинской речевых стихий; народной и "книжной" культур) породило антиномичность восприятия жизни, чувство "расколотости" собственной души и мира. Впоследствии творческой сверхзадачей Прасолова станет познающее отражение, а в итоге — преодоление этой изначальной противоречивости бытия. "Свое — оригинальное, речевое, душевное"³ он будет искать как динамическое равновесие мысли и чувства, тяги к людям и самоуглубления, внимания к обыденности и "взлета" к духовному небу, наконец, элементов русской и украинской, "деревенской" и "городской" ментальности.

Двумя противоположными и в то же время напряженно взаимодействующими полюсами духовной жизни Прасолова в детстве и в юности стали, с одной стороны, "земные" корни, простня и суровые основы бытия, обнажавшиеся в крестьянской повседневности и в испытаниях войны, с другой, — высокий мир нравственно-художественных исканий русской литературы, в первую очередь, классики. Жизнь и творчество Шевченко, Пушкина, Лермонтова, Блока, Толстого с ранних лет стали для него духовным и эстетическим идеалом, побуждавшим критически осмысливать современную действительность и напряженно искать пути ее улучшения. Этот нравственно-познавательный императив сформировался также под влиянием жизненных испытаний, научивших будущего поэта "до спазмы" любить и в то же время "проклинать" бытие.

Интенсивность духовно-поэтических исканий отразилась уже

³ Прасолов А.Т. Стихотворения. Поэмы... — Воронеж: ЦЧИ, 1984. — С. 335.

в ранних, довольно подражательных стихах Прасолова. Ориентируясь на художественную форму русской поэзии XIX в. и на творчество "новокрестьянских" поэтов советской эпохи, он овладевал культурой слова и стиха; уже во второй половине 50-х гг. лирика Прасолова привлекла внимание воронежских критиков и читателей устремленностью к масштабным социально-философским обобщениям, "контрастностью" и динамизмом образов. Журналистская работа, общение с литераторами, новое, более углубленное прочтение лирики Тютчева, Баратынского, Блока и знакомство со стихами Заболоцкого, наконец, растущее чувство несоответствия самобытного духовного опыта "гладким" выразительным средствам ускорили в первой половине 1963 г. "кристаллизацию" зрелого прасоловского поэтического мирозерцания и стиля. Переписка с И. Ростовцевой и стихи этого периода отражают необычайную интенсивность творческого становления Прасолова, окончательный "теоретический" и практический выбор в пользу "поэзии мысли".

Глава 2. "Модель природного бытия и его связь с человеческим в лирике А.Т. Прасолова".

Зрелое лирическое творчество Прасолова, являющееся главным предметом исследования, хронологически может быть - с известной мерой условности и приблизительности - подразделено на два этапа: 1963-1967 и 1968-1972 гг. - неразрывно взаимосвязанных, но характеризующихся одновременно существенными различиями в мировосприятии и поэтике.

В проблемно-тематическом плане у Прасолова выделяются стихи, посвященные природе, и социально-психологическая лирика. Но в связи со стремлением поэта к художественно-философским обобщениям эти два главных "вектора" художественного познания часто сливаются, и в одном лирическом сюжете можно наблюдать сопряжение натурфилософской, психологической и социальной проблематики.

Та же установка на целостно-обобщенное постижение бытия определяет, по мнению диссертанта, и жанрово-стилистическую доминанту большинства прасоловских стихотворений - м е д и - т а т и в н о с т ь. Она окрашивает и пронизывает интимную, пейзажную, социально-историческую лирику Прасолова, часто сплавляя элементы разных жанров в новое единство.

Познавательной-философской ориентацией Прасолова как поэта

выразилась прежде всего в выработке обобщенно-целостного концептуально-образного представления о бытии - его индивидуальной модели. Такая модель - один из главных признаков художественно-философских систем; у Прасолова она строится на противостоянии и взаимодействии глобальных образных символов, приобретающих смысл философских категорий. Поэтому при анализе формы и содержания прасоловской лирики акцент делается прежде всего на становлении и динамике символических значений образов и мотивов, на системных связях между ними. Это позволяет выявить как преемственность духовно-поэтических исканий поэта по отношению к классике, так и познавательное-эстетическое новаторство его лирики. При характеристике художественно-изобразительных средств поэзии Прасолова основное внимание (в силу общей направленности на анализ содержания его поэтического мирозерцания) обращается на трансформацию "классической" поэтики, внесение в нее Прасоловым новых элементов, связанных с достижениями поэзии XX века.

В основе всякого концептуального образа бытия лежит натурфилософия. Осознание огромной роли природы в своем духовном и творческом становлении побудило Прасолова уже в первых зрелых произведениях искать свое понимание природной жизни, напряженно соотнося ее с человеческой. Идя от личных ощущений, он в то же время глубоко усваивает натурфилософские концепции Тютчева и Заболоцкого, учится "проникнуть" в отдельных пейзажных "приметах" одухотворенную и единую суть природного бытия.

Поскольку основную структурную роль во всяком образе бытия играют пространственно-временные категории, анализ натурфилософской концепции Прасолова начинается в диссертации с описания хронотопа его лирики. Система пространственно-временных "координат" приобретает у него "самостоятельное" образно-символическое значение, выступает как активная форма по отношению к своему содержанию - движущейся материи. Таким образом, прасоловский лирический хронотоп отражает общие объективные свойства физического пространства - времени и субъективное их преломление, преобразование в человеческом сознании. Пространство-время поэтического мира Прасолова с большой наглядностью подтверждает выводы М.Бахтина об интензивности, "уплотненнос-

ти" художественного хронотопа⁴ и, поскольку эти выводы относятся к эпосу, позволяет заключить о присутствии эпических моментов во всяком лирофилософском мышлении (ср. также лирику Гете, Тютчева, позднего Блока, Заболоцкого).

Уже в стихах 1963-1965 гг. диалектика объективного (физического) и "человеческого" пространства-времени выражена в различии и сложной взаимосвязи природного хронотопа и пространственно-временных форм человеческого бытия. Они, с одной стороны, отчетливо выделены из бытия природы, отличаясь структурной упорядоченностью и сложностью, с другой, - концентрированно выражают общие закономерности Пространства и Времени. Так, вся динамика бытия предстает в прасоловских стихах первых зрелых лет как напряженное диалектическое взаимодействие "близки" и "дали", "земли" и "неба" (низа и верха), "пустоты" и предметов, стихий. В этой системе координат душевное и социальное бытие осмысливается как "ближнее" (в топографическом, а отсюда и в эмоциональном смысле), "земное" (опять-таки и в прямом, и в символическом, духовном значении этого слова) и заполненное - "размеченное" своего рода вехами рукотворной предметности. В то же время человек стремится физически и духовно овладеть пространством и раздвинуть пределы своего бытия ширь и ввысь, порой предпочитая свободный простор предметным "граням": Основной структурной "осью" прасоловского пространства - как природного, так и человеческого - становится противоположность "неба" и "земли"; к традиционному романтическому значению этой глобальной антиномии у Прасолова едва ли не в каждом лирическом сюжете присоединяются ситуативные смысловые оттенки за счет символизации тех или иных реальных признаков земли и неба. Таким образом, прасоловская художественная система отличается, скажем, от символистской тем, что образ-символ не теряет связи с "многозначностью" предмета и постоянно обогащается за ее счет. Это также дает поэту возможность открывать новые пути гармонизации экзистенциальных противоречий, синтеза глобально-полярных начал бытия.

В р е м я в лирике Прасолова обнаруживает не менее сложную структуру, чем пространство; в природе оно как бы течет

⁴ Бахтин М.М. Время и пространство в романе. // Вопр. лит. - 1974. - № 3. - С. 133-134.

неосмысленно и нерасчлененно, беспамятная и не знающая будущего смена "поколений" трав и растений вечна, как и жизнь стихий. Человеческое же существование имеет духовный смысл и поэтому характеризуется "напряженным ритмом", где весомы минуты и мгновения, отчетлива память о прошлом и устремленность в будущее. Однако в минуты "буйства" природных стихий или особой одухотворенности пейзажной атмосферы пульс человеческой и космической жизни совпадают и "творчески" усиливают друг друга. Эта кульминация поэтического акта, сознательно отражающая во многих сюжетах Прасолова познавательный-эстетический синтез человеческого и природного, часто предстает как "стягивание" пространства в движение времени и сжатие того и другого в единой точке-миге (или, что то же самое, всеохватывающее расширение душевного мира). Так наглядно воплощается тот феномен искусства, о котором Вернадский говорил, как о "космосе, проходящем через сознание живого существа"⁵ и расширении мысли до "планетного" масштаба. Общей мерой человеческого и природного времени является также суточный цикл; "день" и "ночь" - особые сферы бытия, духовный смысл которых определяется традиционной символической семантикой антитезы "свет - тьма", но, как и в случае "земли" и "неба", постоянно варьируется за счет реальных свойств денотата. Прасолов воспринял тютчевскую антиномию хаотически - "темной", "ночной", и открыто - "дневной" сторон человеческого и природного бытия; кроме того, суточный цикл, как и годовой, олицетворяет для него чередование жизни и смерти. Таким образом, пространственно-временная глобальная символика поэта опирается не только на натурфилософию, но и на древнейшие фольклорно-мифологические представления. Другая особенность прасоловского хронотопа состоит в том, что по образцу "внешнего" пространства-времени он строит "материальную" модель душевного мира. При этом приводятся в систему и реализуются такие древние метафоры, как "глубина" и "поверхность" души (или "земля" повседневности и "небо" духа), социально-активная "дневная" и самоуглубленная "ночная" жизнь человека и т.д.

В работе детально анализируется возникновение и функционирование основных и контекстуально-дополнительных структурно-

⁵ Цит. по кн.: Келдров К.А. Поэтический космос. - М.: Сов. писатель, 1989. - С. 136.

символических значений таких словообразов, как "земля", "небо", "день", "ночь" и синонимичных им. Подчеркивается частое преобразование этих пространственно-временных антиномий в духовные - добра и зла, тайны и истины, чувства и разума, материи и духа и т. д.

Реальные и символические свойства пространства-времени в лирике Прасолова глубоко отражают свойства природы, главное из которых - одушевленная динамика, жизненная активность. В этом также и главное сходство природы с человеком, более того - исток нашей жизнестойкости и творческих сил. Вместе с тем природа во многом отражает психическую активность человека, "пронизана" ею, и не всегда можно отделить подлинные свойства природной "души" (в ее присутствии Прасолов убежден, как и большинство русских поэтов природы, начиная с Тютчева⁶) от этой эманации душевной энергии человека вовне. В главе анализируются средства познавательного отражения в лирике Прасолова "психических" свойств природы (олицетворяющие метафорические конструкции, символика пейзажей, стихий, "растительных" и "животных" образов как воплощения различных ступеней душевного развития); исследуется как близость, так и отличие прасоловского концептуального образа природного бытия от тютчевского идеала "стихийной гармонии" и "растворения" человека в ней, а также от натурфилософии Н.Заболоцкого (природа - "неразумная", но стремящаяся к разуму мать человека).

Проблема взаимоотношений с природой не исчерпывается для Прасолова обретением "личного" душевного контакта лирического героя с окружающим миром, атмосферой пейзажа; он видит обострение противоречий между природой и цивилизацией и одним из первых, наряду с некоторыми старшими современниками (А.Твардовский, Н.Рыленков, А.Яшин) и ровесниками (Н.Рубцов, А.Передерев, А.Вознесенский) уже в начале 60-х гг. ищет пути разрешения конфликта. При этом он не только резко порывает с господствовавшей в общественном и литературном сознании теорией "покорения" природы, но и избегает другой крайности - призыва к отказу от достижений цивилизации, весьма распространенного в современной поэзии. Гармония между созидательной духовной и

⁶ Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник Вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. - М.: Высш. шк., 1990. - С. 21-32.

материальной деятельностью человека и "свободным проявлением" (Пушкин) природной жизни возможна, по мнению Прасолова, лишь при условии постоянного и напряженного осмысления путей прогресса, при непрерывном постижении тайн души и природы. Уступая человеку в способности мыслить, природа в прасоловских стихах часто оказывается духовно, нравственно выше "неразумной воли" человека и добрее исполняющих эту волю "слепых и грубых рук". Драматизм экологических мотивов в лирике Прасолова усугубляется осознанием (опять-таки вслед за Тютчевым и Заболоцким) присутствия в самой природе губительных - пусть и "творчески" мощных - стихийных сил. Их носителем обычно выступает "небо", "земная" же жизнь растений, животных, человека и плодов его труда проходит в напряженно-тревожном ожидании благодати или бедствия. Порой стихи обретают символическую духовную мощь и даже воплощают некую вселенскую мысль; однако в прасоловских стихах последних лет "бурная" символика, напряженное противостояние и кульминационное единство душевной и природной "стихий" сменяются пристальным, умиротворенным наблюдением за "малыми приметами" пейзажа, тонкостью и проникновенностью эмоционального восприятия природы в целом и каждого ее проявления.

В этом поздние прасоловские стихи о природе близки к "тихой лирике" Рубцова, Соколова, Жигулина, к обыденной и в то же время пронзительной точности восприятия подробностей жизни природы в зрелой лирике Твардовского - одного из любимых поэтов Прасолова. Всех названных поэтов при внешней мягкости, "приглушенности" природных картин объединяет внутренний драматизм восприятия окружающего мира. У Прасолова он проистекает из чувства хрупкости, непрочности как самой природы, "тишины" в ней, так и человеческой жизни. Его зрелые пейзажи, как и прежде, символичны, но теперь образы природы в них олицетворяют краткость бытия, боль прощания, напоминая по своему элегическому тону есенинскую лирику. Ослабляется "жесткая" натурфилософская, познавательная заданность этих стихов, поэт свободнее отдается эмоциям при встречах с природой, менее резко подчеркивается структурно-символический смысл пространства-времени. Наряду с натурфилософской традицией, обнажаются крестьянские корни прасоловского мироощущения: чаще возникают фольклорные мотивы и образы, непосредственнее становится переживание "нагруженно-земного", совместного трудового бытия человека и

природы. В целом обостренное ощущение различия между человеческим и природным бытием, присущее стихам 1963-1967 гг., во второй период прасоловского творчества сменяется взглядом на природу как идеал одухотворенной красоты, добра и свободы, источник духовных сил человека. Это представление облекает зрелую прасоловскую лирику природы с творчеством не только русских, но и украинских поэтов-"шестидесятников", что представляется неслучайным в свете воздействия на Прасолова двух национальных культур. В главе отмечаются параллели между прасоловским восприятием природы и соединением романтической символики с фольклорно-крестьянским началом в поэтике В.Симоненко, М.Винграновского, И.Драча.

Изменение взгляда на природу обусловило ряд новых стилевых черт поздних прасоловских стихов о природе: их сближение с традиционной пейзажной лирикой (пушкинской линией в русской поэзии природы, в отличие от тютчевской), большую фрагментарность и "импрессионистичность", по сравнению с жестко-антиномичной сюжетной композицией стихотворений 1963-1967 гг., расширение ритмического и строфического диапазона в рамках силлабо-тоники, наконец, преобладание описательных и повествовательных логико-синтаксических структур над ранее господствовавшими "рассуждающими" и афористически-обобщающими. Все это знаменовало новые формы синтеза конкретно-образного и обобщенно-символического начал в восприятии и постижении природы: общий "духовный" смысл ее бытия теперь вырастал из зорко и непосредственно-эмоционально воспринятых подробностей, а не привносился из "теоретической" натурфилософской рефлексии.

Глава 3. "Социально-психологическая лирика".

Социально-познавательная активность прасоловской лирики выражается в том, что главный ее предмет - духовный мир человека, постижению которого служит, как уже говорилось, и натурфилософия. Это обусловило верность Прасолова традициям психологизма русской лирики и в то же время современное преломление "вечных" духовных начал бытия. Проблема духовности является центральной в постижении как индивидуально-душевной, так и социальной жизни.

Модель душевного бытия в лирике Прасолова строится на антиномиях "неразгаданной глубины" и открытости, стихийного и

сознательного, мысли и чувства, доброго и злого начал, наконец, привычно-"инстинктивного" и духовно-напряженного существования. В диссертационной работе рассматривается динамика воплощения этих начал и целостности души в символических категориях "тьмы", "света", "ночи", "дня", "холода", "тепла", "земли", "неба" и т.д. Анализируются два основных тематических комплекса прасоловских стихов об индивидуально-душевном бытии - лирика, посвященная самоанализу, и психологические этюды, "зарисовки". Среди первых в жанрово-стилистическом плане выделяются интимная лирика и стихи, посвященные разным этапам душевного развития лирического героя.

Основные душевные черты героя этих стихов - нравственно-социальная активность, обостренный эмоциональный и познавательный интерес и любовь ко всем проявлениям "жизненности", духовности; стремление увидеть за внешней стороной явлений, за их противоречивой хаотичностью целостный смысл бытия; предельная искренность и "стихийность" чувств в сочетании с внешней сдержанностью их проявления, самоуглубленностью; обостренное "чувство пути" (Блок) и устремленность в будущее. Обращаясь в произведениях 1963-1965 гг. к своим истокам, Прасолов обнажает противоречия души и непрерывно ищет их самобытный, динамичный синтез. В этом поиске для него очень важен духовно-эстетический опыт русских поэтов - Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Баратынского, Бунина, Блока, Пастернака, Ахматовой, Есенина, Заболоцкого, Твардовского. В диссертации отмечены моменты близости прасоловских представлений о душевном мире, облика его лирического героя, отдельных мотивов и образов к творчеству перечисленных авторов; выявлены самобытные аспекты прасоловского психологизма. Рассматривается, кроме того, сходство трактовки Прасоловым поэзии как высшей формы духовно-творческой активности лирического героя со взглядами на поэтическое творчество Пушкина, Блока, Ахматовой, Твардовского.

Прасолов исследует сущность и соотношение различных форм жизнедеятельности человека - общения (в частности, любовных, дружеских, трудовых взаимоотношений), духовного и материально-созидательного труда. Их объединяет императив неустанного духовного поиска, имеющего целью постижение (по сути, создание трудом ума и рук) подлинной гармонии действительности. Поэт отражает драматическую трудность этого пути, неизбежность

"разреза" между мыслящей личностью и "безмыслием" большинства окружающих людей. С годами все острее воспринимая духовную "нивелировку" общества, Прасолов оценивает его внутреннее состояние как критическое, прямо соотнося свой социальный пессимизм с "мрачностью" раздумий Лермонтова и Блока. В то же время он продолжает взвешенно и глубоко размышлять о социальных проблемах, во многом идя за нравственно-философским опытом позднего Твардовского. Нарастает отчужденность поэта от "внешнего", хаотически-неосмысленного социального бытия и тяга к подлинным духовным ценностям - любви, природе, искусству, коллективному созидательному труду, углубленному общению. В то же время усиливается чувство одиночества, отсутствия отклика на творческие искания поэта. Он осознает эту духовную изоляцию как плату за поэтическое горение, за верность заново открываемым "вечным" нравственным заветам. Лирический герой Прасолова не перестает ощущать духовную общность с родными людьми, любимой женщиной, товарищами по работе, одновременно предъявляя к себе и к ним высокие духовные требования, стремясь к подлинности и глубине человеческих взаимоотношений.

В реферируемом исследовании уделено внимание прасоловской лирической концепции межличностного общения, особенно полно выразившейся в стихах 1966-1969 гг. В частности, интимная лирика отражает необычайную сложность, драматизм любовных взаимоотношений, в которых воплотились противоречивость натуры лирического героя и несовершенство социального бытия. Психолого-аналитическая направленность любовных стихов сближает Прасолова с Баратынским, но в его "стихийном" чувстве и символично-романтических средствах его поэтического отражения обнаруживается еще большая соотносительность с лирическими героями Лермонтова и Блока. Как бы то ни было, диалектика "любви-ненависти", трагизм уходов и разлук, готовность принять на себя боль другого человека и ответственность, наконец, понимание любви как взаимного раскрытия и постижения, душевного роста, - все эти черты делают любовную лирику Прасолова самобытной и современной. Вносит он новаторские черты и в отражение трудовых взаимоотношений, сосредоточивая внимание не на "производственных" деталях, а на духовной сути "единства изначального" людей-творцов. И если в первые зрелые годы его стихи о социальных взаимоотношениях порой излишне абстрактны, в стремлении к масштабным обобщениям

отрываются от плоти человеческих чувств и поступков, то в более поздних психологических этюдах он достигает эффекта наглядности в изображении "душевной материи", не теряя при этом познавательно-обобщающей сверхзадачи. Как правило, духовный итог стихотворений зрелого периода не выражается в "формуле", как в некоторых его ранних стихах или в поздней психологической лирике одного из главных поэтических учителей Прасолова - Заболоцкого. Прасоловская мысль, собственно, не знает окончательного итога; императив постоянных нравственно-практических исканий особенно наглядно выражается в "открытых" концовках поздних психологических и "социальных" произведений. Такие из них, как "Дом Бадн", "Маленькая встреча", знаменуют начавшийся переход поэта к большим поэтическим формам в связи с углублением социально-философских раздумий (ср. также поэму "Владыка", стихотворную драму "Безымянные"). Образная пластика, символично-метафорический ряд, стиховые формы социально-психологических произведений 1968-1971 гг. тоже говорят о подлинной зрелости и самобытной раскованности его лирического мышления, о новом этапе творческого развития поэта, прерванном гибелью.

В конце главы оводятся воедино наблюдения за связью художественной системы Прасолова с поэтическими мирами предшественников и современников. Не претендуя на полноту сопоставления и окончательность выводов, диссертант отмечает творческий характер развития Прасоловым натурфилософских идей и мотивов Тютчева и Заболоцкого, связь взглядов нашего современника на индивидуальное и социальное духовное бытие человека с психологизмом и критической направленностью поэзии Лермонтова, Блока, а социально-исторического мышления - с творчеством Я. Смелякова, А. Твардовского, поэтов военного поколения. Подчеркивается также сложность взаимосвязей лирофилософского аспекта прасоловского творчества с поэзией ровесников, в первую очередь - представителей "тихой" и "эстрадной" лирики, а также с интеллектуализацией лирического мышления других современных ему авторов разных поколений (А. Тарковский, Л. Мартынов, В. Шефнер, Е. Винокуров, Б. Слуцкий; в 70-е гг. - В. Казанцев, Ю. Кузнецов, О. Чухонцев, А. Кушнер)⁷.

⁷ Мазепа Н.Р. Поэзия мысли: О современной философской лирике. - К.: Наук. думка, 1968; Михайлов А.А. Лирика сердца и разума. - М.: Сов. писатель, 1965; Чупринин С.И. Крупным планом. - М.: Сов. писатель, 1983.

Ставится проблема непосредственного влияния прасоловского творчества на поэзию второй половины 70-х - 80-х гг. и актуальности его духовно-эстетических исканий для дальнейшего развития лиро-философского направления в современной лирике; эта проблема может быть разрешена лишь в ходе более подробных сравнительных исследований.

В заключении подводятся итоги работы:

1. Комплексы переживаний, связанных с укладом жизни русско-украинского села, тяжелыми жизненными испытаниями в детстве и юности, с ранним знакомством с русской литературой, определил предельную противоречивость творческой натуры Прасолова. Этим детерминированы антиномичность его мирозерования и позднейшее отремление к глобальному художественно-познавательному синтезу как средству гармонизации бытия. Ход и итоги целостно-обобщающего лирофилософского познания воплотились в прасоловском концептуальном образе действительности. Содержательную структуру этой модели определяет противоположность и динамическое единство глобальных художественных образов-символов, приобретающих значение философских категорий. Для художественной системы Прасолова характерна последовательная символизация словообразов, мотивов, картин действительности. При этом возникающие значения, часто восходящие к традиционной символике романтической поэзии ("свет - тьма", "земля - небо", "огонь - холод" и др.), в то же время вариативны благодаря образному переосмыслению тех или иных реальных признаков предмета; это делает прасоловскую символику более живой и динамичной, по сравнению с "застывшими" и абстрактными антиномиями символизма.

2. Система образных символов несет в себе прежде всего представление поэта о жизни природы; метаструктурную роль в этом образном представлении играют пространственно-временные категории, также приобретающие глобально-символическое значение. Это отражает общие закономерности художественного хронотопа и в то же время характерно для лирофилософских систем (ср. Гете, Тютчев). "День" и "ночь", "земля" и "высота" у Прасолова совмещают топологическое значение с полнокровным, многообразным бытием, в чем опять-таки сказалась и связь его поэтики с классической традицией, и самобытность мышления.

Природа для Прасолова одушевлена, стихийно-активна, об-

ращена в своих проявлениях к человеку и соотнесена с ним. Творчески развивая, таким образом, натурфилософские идеи и мотивы русской лирики, в первую очередь Тютчева и Заболоцкого, он вместе с тем вносит особую остроту в размышления о сходстве и различии, родстве и отчужденности двух миров. Гармония между человеком и природой — не предмет отвлеченного философствования, а живая проблема современности, и решить ее можно лишь непрерывно познавая себя и мир. Эта связь познания, нравственности и эстетики делает прасоловские стихи о природе продолжением гуманистической традиции русской литературы и одновременно придает им актуальность. Чрезвычайно важно и его образное представление о природном мире как совокупности ступеней духовного развития, каждая из которых ценна и достойна существования. Прасоловская поэзия природы, как и стихи его сверстников — представителей "тихой лирики", обусловила начало "поворота к природе" в общественном сознании в 60-е годы и нуждается в более глубоком осмыслении.

3. В центре художественно-познавательной активности Прасолова стоит проблема духовности индивидуального и социального бытия. В психологической лирике, отталкиваясь от тютчевского представления о душе как средоточии подсознательной "глуби" и "дневной" открытости, добра и зла, мысли и чувства, отражая динамику и драматизм взаимодействия этих противоречивых начал, поэт видит залог их гармонии в постоянном душевном труде, "самостоянии" и самостроительстве личности. Ведущим началом здесь выступает м ы с л ь — идущая, непрерывно пересматривающая и проверяющая "на прочность" традиционные нормы поведения и взаимоотношений, открывающая для себя заново "вечные истины", которые без этого останутся пустыми абстракциями. Необходимая порой "отрешенность мыслителя" должна дополняться постоянной открытостью, чувством связи с миром и людьми, для которых в итоге и совершается работа мысли. Одновременно, размышляя о духовности человеческих взаимоотношений, Прасолов с болью видит неизбежность "разреза" между творческой личностью и окружающими; остро ощущает сгущение атмосферы "безмыслия", духовную "нивелировку" общества. Образ его лирического героя — критически мыслящего, "мрачно" оценивающего социальную действительность и при этом душевно стойкого, устремленного в бу-

душев - во многом близок к поэзии Лермонтова и Блока и в то же время характерен для нашего времени, для современника Ахматовой и Твардовского. Духовная позиция всех названных поэтов существенно повлияла на социальные размышления Прасолова.

Жажда "внутренней" и межличностной гармонии пронизывает интимно-психологическую лирику Прасолова, стихи о встречах с самыми разными людьми. Используя опыт психологического анализа Пушкина, Тютчева, Баратынского, он через "малые приметы" стремится не только отразить все перипетии душевного бытия, но и "прочесть" его глобальный смысл; зовет к осознанности и глубине каждого душевного движения, акта общения - будь то удивленные размышления поэта или совместный труд, общение с природой или с любимой женщиной. Безраздельно преданный поэтическому творчеству, он видит равноправность всех форм созидательно-творческой деятельности и воплощает свое понимание духовности в образах рабочих и ученых, художников и простых деревенских стариков. Поэт не упрощает проблему взаимосвязи духовности с трудом, настаивает на его осмысленном и свободном характере. Делая любое дело, человек, по его мнению, должен творить себя и новые социальные взаимоотношения. В этом глубокие размышления Прасолова во многом перекликаются с этико-философскими исканиями зрелого Твардовского. В целом же, императив духовных исканий, составляющий главный пафос его социально-психологической лирики, чрезвычайно актуален и ставит Алексея Прасолова в ряд наиболее самобытных поэтов-мыслителей последних десятилетий, разрывающих нравственно-познавательные традиции русской классики.

4. Поэтика стихов Прасолова - попытка синтеза формально-художественных достижений русской классической (в первую очередь философской) лирики XIX - начала XX вв. и крупнейших поэтов-традиционалистов советской эпохи. Сосредоточение на "внутренней", а не на внешней изобразительности, стремление соединить предметную точность с символической обобщенностью образов обусловили выбор классически-ясных и "сдержанных" художественных средств, присущих лирике Пушкина, Тютчева, Фета, Блока, Ахматовой, Твардовского, зрелых Пастернака и Заболоцкого⁸. Это

⁸ Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е, доп. - Л.: Сов. писатель, ЛО, 1974; Кожин В.В. Размышления о русской литературе. - М.: Современник, 1991.

прежде всего наделение эпитета большим смысловым весом при умеренном пользовании метафорой, отказ от экспрессивных грамматических средств и активное употребление инверсии; гармоничность лексического строя, в целом имеющего возвышенную эмоциональную окраску; четкость и логичность развертывания лирического сюжета; приерженность к ритмическим и строфическим формам XIX в. Сознательно используя "готовый" поэтический ореол этих средств, как и семантику "старых" поэтизмов, для создания атмосферы высоких размышлений о бытии, Прасолов в то же время видел опасность архаизации стиля и постоянно умело разрушал статику классических форм "корявым" синтаксическим оборотом, словарным контрастом, фонетическим неблагозвучием, почти гротескной отстраненностью образных решений, смысловой открытостью концовки при внешней композиционно-логической завершенности. Преодолевая подражательность и эклектизм, он в своих лучших стихах добился адекватности затрудненного, "шероховатого" ритмико-интонационного, грамматического, фонетического строя трудному движению самобытной философской и образной мысли. Эти стихи звучат современно, и своеобразие сочетания "аскетически" -сдержанной формы прасоловской лирики с ее новаторским содержанием еще нуждается в осмыслении с точки зрения роли художественных поисков поэта в развитии современного лирофилософского мышления.

Содержание диссертации отражено в публикациях:

1. А.Т. Прасолов "Река, широкая, как дума..."// Анализ одного стихотворения. - К.: КГПИ им. М.П. Драгоманова, 1991. - С. 21-31.

2. Пульс "чувствуемой мысли". - Деп. в УкрИНТЭИ 18.12.92, № 2012 - Укр2. - 15 с.

Подписано к печати 28.12.1993г. Объем 0,9. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Тир. 100. Зак. 369. Бесплатно.

УОП УГЛУ им. Драгоманова, Киев, Пирогова, 9.

AB 29.285